

RU

Архетипический сюжет «сошествие в ад» в романах М. А. Булгакова

Коханова В. А.

Аннотация. Цель исследования – выявление особенностей трансформации архетипического сюжета «сошествие в ад» в рамках изучения архетипической основы романов М. А. Булгакова. Цель обусловлена необходимостью поиска первоэлементов, схем, образов, сюжетов, мотивов, лежащих в основе мировой культуры, так как задает новый ракурс изучения художественных произведений М. А. Булгакова, позволяет выявить взаимосвязи писателя с мировой культурой и определить доминантные черты авторского сознания. В статье рассматриваются специфические особенности воплощения архетипического сюжета «сошествие в ад», присутствие которого в романах М. А. Булгакова «Белая гвардия» и «Мастер и Маргарита» обусловлено отражением мировосприятия писателя. Научная новизна исследования состоит в том, что впервые на материале романов М. А. Булгакова «Белая гвардия» и «Мастер и Маргарита» выявлены особенности трансформации архетипического сюжета «сошествие в ад» в условиях апокалиптической эпохи. В результате исследования выделены инвариантная и вариативная части исследуемого сюжета в романах М. А. Булгакова «Белая гвардия» и «Мастер и Маргарита» в сопоставлении с его классическим вариантом. Особенности воплощения данного сюжета отражают специфическое мировосприятие писателя, изобразившего реальность в эсхатологическом ракурсе.

EN

The archetypal plot of "descent into hell" in the novels of M. A. Bulgakov

V. A. Kokhanova

Abstract. The purpose of the study is to identify and describe the features of the transformation of the archetypal story "descent into hell" in the framework of studying the archetypal basis of the novels of M. A. Bulgakov. This research task, conditioned by the need to search for the primary elements, schemes, images, plots, motifs underlying world culture, sets a new perspective for studying the artistic works of M. A. Bulgakov, allows us to identify the writer's relationship with world culture and identify the dominant features of the author's consciousness. This article examines the specific features of the embodiment of the archetypal plot "descent into hell", the presence of which in the novels of M. A. Bulgakov "The White Guard" and "The Master and Margarita" is due to the reflection of the writer's eschatological worldview. The scientific novelty of the research consists in the fact that for the first time, based on the material of M. A. Bulgakov's novels "The White Guard" and "The Master and Margarita", the peculiarities of the transformation of the archetypal plot "descent into hell" in the conditions of the apocalyptic era were revealed. As a result of the study, the invariant and variable parts of the archetypal plot "descent into hell" in the novels of M. A. Bulgakov "The White Guard" and "The Master and Margarita" are highlighted in comparison with the classical version of this plot. The peculiarities of the embodiment of the archetypal plot reflect the specific worldview of the writer, who depicted reality in an eschatological perspective.

Введение

Актуальность данного исследования заключается в непреходящем научном интересе к творчеству М. А. Булгакова. Об этом наглядно свидетельствуют публикации последних лет: переиздание фундаментального труда с авторскими поправками к тексту М. О. Чудаковой (2023) «Жизнеописание Михаила Булгакова»; монографии Е. А. Яблокова: «Художественный мир Михаила Булгакова» (Яблоков, 2013), «Исцеляющий миф. Коды традиционной культуры во «врачебных» рассказах М. А. Булгакова» (Яблоков, 2019); антология «М. А. Булгаков: pro et contra» (2019), объединившая работы авторитетных отечественных и зарубежных литературоведов, критиков, философов, социологов, искусствоведов, написанные в последние тридцать лет.

Произведения М. А. Булгакова, мировоззрение которого отличалось от официального государственного курса, предстают перед читателями и литературоведами как закодированные тексты, так как он относится

к числу художников, почти не оставивших прямых высказываний о взглядах на устройство мироздания и место человека в нем. Исследователь О. А. Орлова справедливо отмечает, что «интерес к эсхатологии и изучение поведения человека в этой ситуации значительно активизировались» (2008, с. 4).

В докторской диссертации И. С. Урюпина «Национальные образы-архетипы в творчестве М. А. Булгакова» подчеркивается, что в творчестве писателя «доминантным элементом является образ-архетип. Архетипическими ситуациями, мотивами, образами пронизаны рассказы и романы, пьесы и либретто М. А. Булгакова. Архетипичность выступает не только содержательно-смысловой, когнитивно-понятийной сферой художественного обобщения действительности, но и особой формой мифомышления писателя» (2011, с. 5). Именно поэтому выявление архетипической основы творчества, поиск первоэлементов, схем, образов, сюжетов, мотивов, лежащих в основе мировой культуры и мировоззрения писателя, является актуальным направлением исследования, задает новый ракурс изучения художественных произведений М. А. Булгакова, позволяет выявить его взаимосвязи с мировой культурой и определить доминантные черты авторского сознания.

Для достижения вышеуказанной цели исследования необходимо решить следующие задачи:

- определить аксиоматические, инвариантные и вариативные части архетипического сюжета «сошествие в ад»;
- проанализировать и описать эпизоды романов М. А. Булгакова «Белая гвардия» и «Мастер и Маргарита», в которых воплощен архетипический сюжет «сошествие в ад»;
- сопоставить аксиоматические, инвариантные и вариативные части архетипического сюжета «сошествие в ад» в традиционном проявлении и в романах М. А. Булгакова.

Материалом для исследования явились романы М. А. Булгакова «Белая гвардия» и «Мастер и Маргарита», опубликованные дневники и письма писателя:

- Булгаков М. А. Собрание сочинений: в 5 т. М.: Художественная литература, 1989. Т. 1.
- Булгаков М. А. Собрание сочинений: в 5 т. М.: Художественная литература, 1992. Т. 5.
- Булгаков М. Дневник. Письма. 1914-1940. М.: Современный писатель, 1997.

В качестве справочного материала привлекались следующие издания:

- Библийская энциклопедия: в 2 кн. М.: Центурион АПС, 1991. Кн. 1.
- Боров Ю. Б. Эстетика. Теория литературы: энциклопедический словарь терминов. М.: АСТ, 2003.

Теоретическую базу исследования составляют работы в области архетипики (Мелетинский, 2001; Эсалнек, 2004; Большакова, 2011); базовые положения об архетипическом концепте в коллективной монографии «Иная ментальность» (Карасик, Прохвачева, Зубкова и др., 2005); труды, рассматривающие тему сошествия в ад в христианской традиции (Иларион, 2009), а также работы, посвященные творчеству М. А. Булгакова (Белобровцева, Кулюс, 2007; Лескис, 1999).

Совокупность поставленных задач определила использование методов исследования: историко-генетический анализ, раскрывший исторические и духовные предпосылки обращения М. А. Булгакова к архетипическим сюжетам в художественном пространстве романов; культурно-исторический метод, позволивший вписать данного автора в контекст литературы как наследника мировой культурной традиции.

Практическая значимость исследования состоит в возможности использования его материалов в преподавании курсов по культурологии, литературоведению и компаративистике, в спецкурсах, посвященных изучению творчества М. А. Булгакова. Результаты исследования могут найти применение при составлении учебников и учебно-методических пособий для студентов, обучающихся филологическим наукам.

Обсуждение и результаты

В статье рассматриваются особенности трансформации архетипического сюжета «сошествие в ад», присутствие которого в романах М. А. Булгакова «Белая гвардия» и «Мастер и Маргарита» обнаруживается в результате исследования. «Наличие архетипической структуры в том или ином художественном произведении не всегда очевидно даже для специалиста. Между тем описание архетипического дает ключ к скрытым смыслам текста, которые невозможно постигнуть иными путями и без понимания которых текст фактически остается непочитанным» (Коханова, 2012, с. 182).

Методологической основой исследования являются труды Е. М. Мелетинского (2001) и А. Я. Эсалнек (2004), в которых утверждается, что архетип, обладая способностью к бесконечным и непредсказуемым внешним изменениям в творчестве разных писателей, одновременно таит в себе целостно-смысловое ядро, в своей неизменности обеспечивающее высокую устойчивость архетипической модели. Под архетипом, по мнению Е. М. Мелетинского (2001, с. 217), понимается преимущественно некое архетипическое содержание универсального мотива, образа, сюжета, ситуации или же сама эта ситуация, характер, образ и т. д. Кроме того, по определению А. Ю. Большаковой, литературный архетип является мощным «механизмом воздействия на читателя, определяющим программные установки и культурные коды автора» (2011, с. 79).

Методологической основой анализа сюжета «сошествие в ад» является позиция авторов коллективной монографии «Иная ментальность» (Карасик, Прохвачева, Зубкова и др., 2005), в которой представлен анализ архетипического концепта (по мнению авторов) «сделка с дьяволом», в его основе выделены аксиоматические положения, а также неизменяемая и изменяемая части. Однако, в отличие от авторов монографии, в данной статье рассматривается архетипический сюжет, а не концепт, поскольку «сошествие в ад» содержит все признаки сюжета: последовательная цепь событий, взаимоотношения персонажей, выраженные через действия (Боров, 2003, с. 440).

В мировой культуре сохранилось довольно много вариантов воплощения архетипического сюжета «сошествие в ад», начиная с произведений Древнего Востока, созданных задолго до нашей эры («Эпос о Гильгамеше», поэмы шумерских мифов). Сюжет, в котором бог или герой спускается в подземное царство, чтобы вернуть оттуда умершего, присутствует в античной мифологии (Орфей, спускающийся в ад (Аид) за Эвридикой, Дионис, спускающийся в ад (Аид) и выводящий оттуда на небо свою мать, 12-й подвиг Геракла).

Сошествие Иисуса Христа в ад – догмат, исповедуемый историческими христианскими церквями (римско-католической, православными, древневосточными, восточно-католическими) и церквями ранней протестантской реформации (лютеранской, кальвинистской, англиканской, цвинглианской) (Библейская энциклопедия, 1991, с. 26). Архиепископ Иларион (Алфеев) утверждает, что «учение о сошествии Христа во ад является неотъемлемой частью догматического предания Церкви. С момента сошествия Христа во ад путь к воскресению из мертвых открыт для “всякой плоти”, спасение даровано всякому человеку, и врата рая открыты для всех желающих» (2009, с. 205).

Не менее распространен этот сюжет в литературе. Вергилий в VI песне «Энеиды» описывает сошествие Энея в ад для свидания с отцом, Данте в «Божественной комедии» (Ад. Песнь 4, 52–63) от лица Вергилия описывает освобождение Христом ветхозаветных праведников и спускается в ад сам. В XIX веке к сюжету в апокрифическом сказании «Сошествие в ад» (1894) обращается Н. С. Лесков. В начале XXI века Ю. П. Кузнецов пишет поэму «Сошествие в ад» (2003).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что бытование данного архетипического сюжета в разных художественных формах прошло сквозь тысячелетия и века. В исследовании поставлена задача выявления специфики воплощения сюжета в атеистическую эпоху в творчестве М. А. Булгакова.

Условно можно выделить аксиоматические положения сюжета «сошествие в ад», наличие которых условно для всех источников во все времена:

1. Существует подземный мир, царство мертвых.
2. Живым людям попасть туда невозможно.

3. Оказаться в царстве мертвых может только герой (героиня), которому (которой) предоставляется такая возможность, так как он (она) избраны Высшими (нечеловеческими) силами для выполнения определенной миссии.

Последующий анализ позволяет нам выделить изменяемые и неизменные части сюжета. «Неизменяемую часть сюжета назовем инвариантной частью, а изменяемую – вариативной» (Kokhanova, 2011, p. 56).

Дополняет аксиоматические положения инвариантная (неизменяемая) часть сюжета «сошествие в ад». Кратко ее можно изложить следующим образом:

1. Герой, преодолевая препятствия, попадает в царство мертвых.
2. Выводит из ада души, ради которых он туда спустился.
3. Возвращается из ада в другое пространство.
4. Герой может покинуть царство мертвых, оставаясь живым или обретая бессмертную сущность.

Значительно больше можно назвать вариативных частей сюжета, которые содержат изменяемое количество компонентов: 1) статус и облик героя; 2) причины, которые побуждают героя отправиться в ад; 3) цель сошествия в ад; 4) картины ада и населявших его душ; 5) результаты, последствия сошествия в ад.

Далее рассмотрим, как вышеназванный архетипический сюжет преломляется в романах М. А. Булгакова «Белая гвардия» и «Мастер и Маргарита».

Сюжет «сошествие в ад» в романе «Белая гвардия» можно идентифицировать в следующих эпизодах: молебен во здравие Петлюры в Софийском соборе и поиски тела погибшего Най-Турса. Обе сцены связаны с образом Николки, «оглушенного смертью» матери и Най-Турса, и даются автором сквозь призму его восприятия, обе происходят в земной реальности Города. Уподобление того, что происходит в Городе, происходящему в аду, в подземном мире, в царстве мертвых, пронизывает описание обоих эпизодов.

Изображение молебна в соборе действительно напоминает картину ада: «Сотни голов на хорах громоздились одна на другую, давя друг друга, свешивались с балюстрады между древними колоннами, расписанными черными фресками. Крутясь, волнуясь, напирая, давя друг друга, лезли к балюстраде, стараясь глянуть в **бездну собора**, но сотни голов, как желтые яблоки, висели тесным, тройным слоем. **В бездне** качалась душная тысячеголовая волна, и над ней плыл, раскаляясь, пот и пар, ладанный дым, нагар сотен свечей, копоть тяжелых лампад на цепях. <...> В приделе алтаря была невероятная кутерьма» (Булгаков, 1989, с. 381).

Г. А. Лескис утверждает, что словосочетание «“бездна собора” – оксюморон, так как “собор” – это дом Божий, а словом “бездна” обозначается ад, преисподняя кромешная; оно отсылает нас к “Апокалипсису” <...> Такой оксюморон соответствует кошунственному фарсу, каким является молебен во здравие Петлюры и во славу Смуты» (1999, с. 117).

Можно уточнить, что описание молебна в Софийском соборе представлено М. А. Булгаковым скорее всего в трагифарсовой манере, поскольку суть происходящего он определяет словосочетанием «страшная, вопящая кутерьма»: «Софийский тяжелый колокол на главной колокольне гудел, стараясь покрыть всю эту **страшную, вопящую кутерьму**. Маленькие колокола тьякали, заливаясь, без ладу и складу, вперебой, точно **сатана** влез на колокольню, сам **дьявол в рясе** и, забавляясь, поднимал гвалт» (1989, с. 384).

Давка, толчея, духота, нехватка воздуха, воровство – вся эта обстановка никак не вяжется с атмосферой церковного богослужения: «Через все проходы, в шорохе, гуле, несло полузадушенную, опьяненную углекислотой, дымом и ладаном толпу. То и дело в гуще вспыхивали короткие болезненные крики женщин. Карманные

воры с черными кашне работали сосредоточенно, тяжело, продвигая в слипшихся комках человеческого давленного мяса ученые виртуозные руки» (Булгаков, 1989, с. 381).

Облик священника также не соответствует торжественности, с которой обычно служат молебен: у настоятеля кафедрального собора отца Аркадия глаза были «отчаянные, тряслась борода» (Булгаков, 1989, с. 382). Не случайно возникает в толпе вопрос: «На каком же языке служили, отцы родные, не пойму я?»; «Уж и на православном, родном языке говорить не разрешается?» (Булгаков, 1989, с. 383). «Кутерьма», связанная со смешением русского, украинского и церковнославянского языков, очень точно передает атмосферу хаоса и неразберихи. Еще более подчеркивает ее вульгарная разговорная речь присутствующих: «Чтоб тебя, сволочь, раздавило...»; «Что вы, взбесились, анафемы?!»; «А черт ее знает...» (Булгаков, 1989, с. 383-384).

В эпизоде поиска тела погибшего Най-Турса архетипический сюжет «сошествие в ад» почти в классическом варианте воспроизведен М. А. Булгаковым. Николка, словно в преисподнюю, спускается на платформе лифта в пространство, от которого «тянуло ледяным холодом» и где мертвые лежали «одни на других», «как дрова в штабелях» (Булгаков, 1989, с. 406).

Цель у Николки такая же, как у героев архетипического сюжета: вывести из ада душу, ради которой он туда спустился. Спасение души Най-Турса Николка видит в погребении по православному обряду: «В ту же ночь в часовне все было сделано так, как Николка хотел, и совесть его была совершенно спокойна, но печальна и строга. При анатомическом театре в часовне, голой и мрачной, посветлело. Сам Най значительно стал радостнее и повеселел в гробу. Най – обмытый сторожами, довольными и словоохотливыми, Най – чистый, во френче без погон, Най с венцом на лбу под тремя огнями, и, главное, Най с аршином пестрой георгиевской ленты, собственноручно Николкой уложенной под рубаху на холодную его вязкую грудь» (Булгаков, 1989, с. 407).

Отчасти связанными с архетипическим сюжетом «сошествие в ад» можно считать строки в заключительной двадцатой главе «Белой гвардии»: «С вечера жарко натопили Саардамские изразцы, и до сих пор, до глубокой ночи, печи все еще держали тепло. Надписи были смтыты с Саардамского Плотника, и осталась только одна: "...Лен... я взял билет на **Аид...**» (Булгаков, 1989, с. 422).

В свете приближающихся событий после захвата города Петлюрой и близкого прихода большевиков эта надпись (конечно же, связанная с оперой Верди «Аида») кажется незавершенной Булгаковым умышленно и определенно является намеком на будущее близкое сошествие героев в земной ад.

В романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» архетипический сюжет «сошествие в ад» можно выявить также в двух эпизодах: вечер в ресторане Дома Грибоедова и в сцене бала у сатаны. События глав «Было дело в Грибоедове» и «Великий бал у сатаны» своеобразно преломляют в романе архетипический сюжет.

На композиционную взаимосвязь этих глав «Мастера и Маргариты» указывают авторы комментария к роману И. Белобровцева и С. Кулюс: «В композиции романа бал сопоставим с вечером в ресторане Дома Грибоедова, который характеризуется как ад и действие, также захватывающее полночь – время появления и власти нечистой силы» (2007, с. 367).

Однако связаны они не только композиционно, но и в концептуально-смысловом отношении, так как обе главы соотносятся с архетипическим сюжетом «сошествие в ад».

Мысль об уподоблении современной ему московской жизни адскому существованию встречается в дневниковой записи М. А. Булгакова за 1924 год (запись «В ночь с 21 на 22 декабря»): «Москва в грязи, все больше в огнях – и в ней странным образом уживаются два явления: налаживание жизни и полная ее гангрена. <...> Ничто не двигается с места. Все съела советская канцелярская, **адова пасть**. Каждый шаг, каждое движение советского гражданина – это пытка, отнимающая часы, дни, а иногда месяцы» (1997, с. 74).

Если в «Белой гвардии», события которой относятся к 1918-1919 годам, Булгаков описывает постепенный переход к торжеству ада на земле (захват темными силами собора, борьба за Город), то в «Мастере и Маргарите» ад самой московской жизни, населенной «мертвыми душами», описанными еще в XIX веке Гоголем, воспринимается москвичами как нормальное существование. Именно поэтому сцена в Доме Грибоедова отражает архетипический сюжет «сошествие в ад» как бы в перевернутом варианте.

Вот, например, как выглядит картина ада, изображенного Булгаковым в ресторане Дома Грибоедова: «Тонкий голос уже не пел, а завывал: "Аллилуйя!". Грохот золотых тарелок в джазе иногда покрывал грохот посуды, которую судомойки по наклонной плоскости спускали в кухню. Словом, **ад**. И было в полночь видение **в аду**» (1992, с. 61).

Сам автор словом «ад» маркирует пространство ресторана Дома Грибоедова в полночь. Чтобы в нем оказаться, литераторам достаточно было спуститься со второго этажа на первый. Заметим, что для Булгакова ад – это место, которое находится внизу, к нему нужно спуститься.

Героем, который попадает в адское пространство в этой сцене, оказывается Иван Николаевич Бездомный. Цель его – предупредить литераторов об угрозе жизни в связи с появлением консультанта, который «сейчас убил на Патриарших Мишу Берлиоза», и восстановить привычный и понятный миропорядок: «Он появился! Ловите же его немедленно, иначе он натворит неопишемых бед!» (Булгаков, 1992, с. 61). Интуитивно поэтатеист выбирает средства для спасения: прикалывает «бумажную иконку со стершимся изображением неизвестного святого» и держит в руках «зажженную венчальную свечу» (Булгаков, 1992, с. 63), то есть обращается к атрибутам православной веры. Однако его принимают за сумасшедшего и насильственно отправляют «спеленатого, как куклу» в психиатрическую клинику. Соотнесение последующей судьбы Ивана Николаевича, представленной в эпилоге романа, с судьбами героев традиционного сюжета «сошествие в ад» приводит нас к выводу о том, что ему самому удается вырваться живым из царства «мертвых душ» литераторов, но больше никого спасти он не смог. Его цель как героя-спасителя оказывается невыполнимой задачей в атеистической Москве.

В главе «Великий бал у сатаны» также своеобразно отражен архетипический сюжет «сошествие в ад». Аксиоматические положения и инвариантная (неизменяемая) часть сюжета в данной главе во многом совпадают с классическим вариантом:

1. Героиня, преодолевая препятствия, попадает в царство мертвых.
2. Выводит из земного ада душу, ради которой она туда спустилась.
3. Возвращается из ада в другое пространство.
4. Героиня покидает царство мертвых, вначале оставаясь живой, а позже обретает по решению Высших сил бессмертную сущность.

При этом вариативная часть сюжета в романе М. А. Булгакова обладает несомненным своеобразием. Преисподняя, царство мертвых возникает перед героиней в inferнальном пространстве московской квартиры, на одну ночь превращенной в бальный зал. «Сатана там правит бал» – эта строчка арии Мефистофеля из любимой М. А. Булгаковым оперы Ш. Гуно «Фауст» неизменно возникает в памяти читающих эту главу.

Сошествие в ад совершает не бог или герой, а женщина, которую наделяют статусом королевы весеннего бала полнолуния и обликом ведьмы. Возможность оказаться в царстве мертвых предоставлена героине после совершения сделки с дьяволом, то есть только в обмен на ее душу. Героиня идет на сделку, измучившись от неизвестности: «Ах, право, дьяволу бы заложила душу, чтобы только узнать, жив он или нет!» (Булгаков, 1992, с. 216-217). Однако после нескольких испытаний меняется и тайное желание Маргариты, ради которого она согласилась на сделку: вместо страстной потребности узнать хоть что-то о судьбе возлюбленного приходит «надежда на то, что там ей удастся добиться возвращения своего счастья» (Булгаков, 1992, с. 240). Ее целью становится воссоединение с мастером.

В данном контексте речь не идет о спасении души любимого человека (он сам признает себя душевнобольным), героине тоже пришлось отказаться от своей души. Однако в финальных главах романа по решению Высших сил их душам дарован покой вместо мучений, которым подвергаются в преисподней грешники.

Сопоставив архетипический сюжет в традиционном воплощении и в романах М. А. Булгакова, представим черты сходства и различия в Таблице 1.

Таблица 1

Основания для сопоставления	Традиционный вариант воплощения сюжета	Воплощение сюжета в романах М. А. Булгакова
Образ героя	Герой – это бог или богиня, полубог, человек, наделенный особыми способностями.	Герой (героиня), сошедший в ад, – это обычный человек.
Причины сошествия в ад	Утрата и скорбь по другу, возлюбленной, матери, достойным людям.	Потрясение от созерцания разрушения и хаоса, чувство долга по отношению к погибшему другу, страдание от потери любимого человека.
Цель героя	Спасение друга, возлюбленной, матери, достойных людей, пребывающих среди грешников незаслуженно, спасение человечества.	Восстановление нарушенного миропорядка, исполнение долга, воссоединение с любимым человеком.
Изображение ада	Картины ада и населявших его душ разнообразны, содержат разные уровни, изображавшие наказания для грешников.	Ад представлен в картинах реальной и inferнальной жизни.
Последствия сошествия в ад	Последствия могут иметь любой характер: неизменно стремление героя к выполнению предназначения.	Последствия связаны со спасением (или гибелью) души вне человеческого существования.

Сопоставительный анализ дает наглядное представление о специфике воплощения архетипического сюжета «сошествие в ад» в романах М. А. Булгакова.

Заключение

Таким образом, в результате исследования можно сделать следующие выводы. Архетипический сюжет «сошествие в ад» присутствует в обоих романах М. А. Булгакова, однако в художественном мире «Белой гвардии» и «Мастера и Маргариты» он подвергся существенной трансформации. При сохранении аксиоматической части сюжета (именно поэтому он распознается в художественном пространстве романов) писателем переосмыслены отдельные элементы инвариантной части сюжета (герои необычным образом попадают в царство мертвых, не всегда достигают поставленных целей), своеобразно представлены вариативные части (картины ада показаны в необычных местах: собор, анатомический театр, ресторан, московская квартира; героями являются обычные люди, которые могут обрести особые способности либо силой веры, либо от взаимодействия с inferнальными сущностями). Изображение ада представлено в картинах реальной и потусторонней жизни; герои, которые оказываются «сошедшими в ад», не покидают земного пространства, ад открывается им не в подземном царстве, он торжествует на земле. Эсхатологическая эпоха, в которую живут и действуют герои булгаковских романов, меняет все привычные представления об основах бытия. Перевернулся мир, наступил апокалипсис, и в нем превратились в свою противоположность все представления и наименования. Герои-мужчины, на которых Высшими силами в традиционном сюжете возлагалась особая миссия, в булгаковском мире либо обречены

на гибель, либо не в состоянии справиться с задачей спасения из ада. Справиться по силам оказалось лишь героине-женщине, вступившей в сделку с дьяволом ценой собственной души. Преодоление героями духовной смерти в романах Булгакова становится чрезвычайно трудной задачей в условиях адского существования на земле. Согласимся с утверждением М. В. Яковлева: «Странный атеистический апокалипсис являет не Бога, а дьявола, по известному богословскому афоризму: главное коварство дьявола заключается в том, что он убедил людей, будто его не существует. Добавим к этому коварству и “научное” убеждение в отсутствии Бога» (2012, с. 97).

Следовательно, трансформация сюжета «сошествие в ад» в обоих романах М. А. Булгакова определяется особенностями мировосприятия писателем современности как апокалиптического времени. Апокалиптическая точка зрения писателя на судьбу человека и помещение героев в особые пространственно-временные условия отражают специфику трансформации сюжета «сошествие в ад» в романах «Белая гвардия» и «Мастер и Маргарита».

В качестве перспектив дальнейшего исследования заявленной проблематики можно назвать выявление и описание особенностей воплощения таких архетипических сюжетов, как сюжет творения, сюжет воскресения и др., в романах М. А. Булгакова.

Источники | References

1. Белобровцева И., Кулюс С. Роман Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита»: комментарий. М.: Книжный Клуб 36.6, 2007.
2. Большакова А. Ю. Теория архетипа и проблемы коммуникации // Практика коммуникативного поведения в социально-гуманитарных исследованиях: материалы II международной научно-практической конференции. Пенза: Социосфера, 2011.
3. Иларион (Алфеев), архиеп. Христос – Победитель ада. Тема сошествия во ад в восточно-христианской традиции. СПб.: Издательство Олега Абышко, 2009.
4. Карасик В. И., Прохвачева О. Г., Зубкова Я. В., Грабарова Э. В. Иная ментальность. М.: Гнозис, 2005.
5. Коханова В. А. Архетипика романов М. А. Булгакова // Михаил Булгаков, его время и мы: коллективная монография / под ред. Гжегожа Пшебинды и Януша Свежего. Krakow: Instytut Filologii Wschodniosłowiańskiej UJ, 2012.
6. Лескис Г. А. Триптих М. А. Булгакова о русской революции: «Белая гвардия», «Записки покойника», «Мастер и Маргарита». Комментарии. М.: ОГИ, 1999.
7. М. А. Булгаков: pro et contra: антология / сост. О. В. Богданова. СПб.: РХГА, 2019.
8. Мелетинский Е. М. Трансформации архетипов в русской классической литературе (Космос и Хаос, герой и антигерой) // Литературные архетипы и универсалии / под ред. Е. М. Мелетинского. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2001.
9. Орлова О. А. Эсхатологические мотивы в творчестве М. А. Булгакова (на материале романов «Белая гвардия» и «Мастер и Маргарита»): автореф. дисс. ... к. филол. н. М., 2008.
10. Урюпин И. С. Национальные образы-архетипы в творчестве М. А. Булгакова: автореф. дисс. ... д. филол. н. М., 2011.
11. Чудакова М. Жизнеописание Михаила Булгакова. М.: КоЛибри; Азбука-Аттикус, 2023.
12. Эсалнек А. Я. Архетип // Чернец Л. В., Хализев В. Е., Эсалнек А. Я. Введение в литературоведение / под ред. Л. В. Чернец. М.: Высш. шк., 2004.
13. Яблоков Е. А. Исцеляющий миф. Коды традиционной культуры во «врачебных» рассказах М. А. Булгакова. М.: Институт славяноведения РАН, 2019.
14. Яблоков Е. А. Художественный мир Михаила Булгакова. М.: Языки славянской культуры, 2013.
15. Яковлев М. В. Апокалипсис и теория символизма // Вестник Московского государственного областного гуманитарного института. Серия: Филология. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2012. № 1.
16. Kokhanova V. A. The Archetypal Plot "A Contract with the Devil" in M. A. Bulgakov's Novel "Master and Margarita" // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филологическое образование. 2011. № 1 (6).

Информация об авторах | Author information

Коханова Валентина Александровна¹, к. филол. н., доц.
¹ Московский городской педагогический университет

Valentina Aleksandrovna Kokhanova¹, PhD
¹ Moscow City University

¹ kokhanovava@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 05.07.2024; опубликовано online (published online): 19.08.2024.

Ключевые слова (keywords): М. А. Булгаков; архетип; архетипический сюжет «сошествие в ад»; вариативная часть сюжета; инвариантная часть сюжета; M. A. Bulgakov; ; archetype; archetypal plot of "descent into hell"; variable part of the plot; invariant part of the plot.